

**«ДАБЫ ВОЗМОГ, ПОКА НЕ ПРИДУ
В СТАРОСТЬ И ДРЯХЛОСТЬ, ВАШЕМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ МОИ... УСЛУГИ ПОКАЗАТЬ»:
КНЯЗЬ В. В. ДОЛГОРУКОВ**

Князя Василия Владимировича Долгорукова затруднительно отнести к числу вовсе забытых государственных деятелей России XVIII века. Многим сегодня памятны боевые заслуги князя, неординарность его биографии. Достаточно только сказать, что в высший воинский чин генерал-фельдмаршала Василию Долгорукову довелось быть произведенным дважды.

Вместе с тем нельзя не отметить, что основные сведения о жизненном пути князя Василия Владимировича, бытующие ныне в читательском обороте, восходят к сочинениям Д. Н. Бантыш-Каменского и князя П. В. Долгорукова, опубликованным соответственно 204 (!) года и 177 лет назад¹¹⁹. При всей просвещенности и осведомленности упомянутых авторов, сочинения их имеют ныне, мягко говоря, ограниченное научное значение.

Василий Долгоруков был выходцем из старинного княжеского рода, восходившего (в младшей ветви) к оболенскому удельному князю Андрею Константиновичу. В XVII веке Долгоруковы являлись одним из влиятельнейших кланов в правящей элите Московского царства. Могушество фамилии сохранилось и в дальнейшем.

По заслуживающим доверия подсчетам историка рода, только на протяжении 1700—1839 годов десятеро Долгоруковых стали сенаторами, один — министром юстиции и генерал-прокурором, один — генерал-фельдмаршалом, четверо — генерал-аншефами, семеро — кавалерами ордена Святого Андрея Первозванного (высшей награды Россий-

ской империи)¹²⁰. За тот же период семеро князей Долгоруковых погибли в войнах*.

Согласно надгробной надписи, Василий Долгоруков появился на свет в 1667 году¹²¹ в семье видного администратора и военачальника, боярина В. Д. Долгорукова, скончавшегося в июле 1701 года в Москве. Поскольку боярин Владимир Дмитриевич был женат трижды, семья была многодетной. Князь Василий Владимирович имел по меньшей мере трех братьев — Юрия, Михаила и Владимира и трех сестер — Феодосью, Ксению и Марью¹²².

Примечательно, что матерью князя В. Д. Долгорукова и, соответственно, бабушкой Василия Долгорукова являлась Ирина Ильинична Милославская, скончавшаяся в 1645 году, родная сестра первой супруги царя Алексея Михайловича царевны Марии Ильиничны¹²³. Тем самым по женской линии Василий Владимирович приходился двоюродным племянником царю Ивану V Алексеевичу, соправителю Петра I в 1682—1696 годах. Для тех времен это была вполне близкая родственная связь.

Первые 33 года жизни будущего генерал-фельдмаршала освещены в исторических источниках, введенных на сегодня в научный оборот, крайне скудно. Достоверно установлено, правда, что в 1685 году В. В. Долгоруков был произведен в «московский» чин стольника¹²⁴.

Из тогдашних служб князя Василия Владимировича известно, что 30 июня 1688 года он вместе со старшим братом участвовал в качестве рынды (царского телохранителя) в дипломатической церемонии. Как было отмечено в придворной хронике, «при великих же государех были рынды и стояли около их государского места** с мечи, в бархатных же кафтанах столники: князь Юрья, князь Василей княж Володимеровы дети Долгорукие»¹²⁵. 30 января 1696 года В. В. Долгоруков был упомянут в числе стольников, несших дежурство у гроба усопшего царя Ивана Алексеевича¹²⁶.

Документально установлено также, что Василий Долгоруков не попал в январе 1697 года в число стольников (почти все из которых состояли на военной службе), направленных в образовательную поездку в Западную Европу¹²⁷. В России же В. В. Долгоруков прошел явно недостаточное

* Последним из павших в боях в отмеченный период был гвардии корнет князь Н. Н. Долгоруков, погибший в ходе войсковой операции в Дагестане в 1837 году.

** То есть около трона.

обучение. Судя по сохранившимся автографам князя, он не умел связно писать, с трудом выводил буквы черточками.

Впрочем, неграмотность была, похоже, семейной особенностью братьев Долгоруковых. Из архивных источников со всей очевидностью явствует, что грамотой не владел и младший брат Василия Долгорукова, князь Михаил Владимирович (1669 года рождения), занимавший в первой четверти XVIII века высокие должности на государственной гражданской службе.

Например, как было отмечено в протоколе заседания Правительствующего сената 5 февраля 1724 года, назначенный сибирским губернатором М. В. Долгоруков обратился к сенаторам с просьбой направить с ним сына «для подписки дел», поскольку сам он «грамоте не умеет»¹²⁸. Как-то совсем не озаботился боярин князь Василий Дмитриевич обучением сыновей...

Что касается частной жизни князя Василия Владимировича, то известно, что он состоял по меньшей мере в трех браках. Первой его женой была княгиня Мария Федоровна, дочь боярина Ф. Ф. Куракина¹²⁹, второй — Анна Ивановна, дочь некоего стольника И. И. Злобина¹³⁰, третьей — Анна Петровна, урожденная Шереметева, скончавшаяся в июле 1720 года в возрасте тридцати лет¹³¹. Сведений о детях Василия Владимировича от этих жен выявить не удалось.

Наиболее значительным пробелом в ранней биографии В. В. Долгорукова следует признать вопрос о времени начала его военной карьеры. Согласно сведениям, извлеченным из архива гвардии Преображенского полка, Василий Владимирович стал офицером полка в 1700 году, будучи произведен «из полковых сержантов»¹³². В свою очередь, в другом полковом документе 1700 год указан и как дата производства В. В. Долгорукова в первый офицерский чин, и как дата начала его службы в гвардии, и как дата начала его военной службы вообще¹³³.

Вместе с тем некий «князь Василий Долгоруков» упоминается в документах другого гвардейского полка — Семеновского. Согласно этим документам, в 1695 году при переформировании Семеновской потешной роты в гвардейский полк Василий Долгоруков перешел туда с чином прапорщика. После взятия в июле 1696 года турецкой крепости Азов он был произведен в поручики¹³⁴.

Отмеченные противоречия в документах на сегодня представляются необъяснимыми. Не исключено, что в Семеновском полку начинал службу тот «князь Василей

Долгоруков», который в чине гвардии капитана состоял (по крайней мере в 1707—1713 годах) командиром 5-й роты Преображенского полка¹³⁵. Какие-либо биографические подробности об этом тезке В. В. Долгорукова выявить к настоящему времени не удалось.

Однако, как бы ни сложились обстоятельства поступления князя Василия Владимировича на военную службу, первый его карьерный взлет оказался связан именно с Преображенским полком. Из эпизодов тогдашней служебно-боевой деятельности В. В. Долгорукова достоверно известно, в частности, что во время уже описанного на страницах этой книги многочасового штурма шведской крепости Нотебург 11 октября 1702 года он был в числе нескольких гвардейских офицеров, которые добровольно вызвались присоединиться к атакующей колонне. 28 августа 1705 года при штурме замка в городе Митаве* гвардии майор Василий Долгоруков получил ранение в руку (на ней были, как свидетельствует документ, «отбиты» два пальца)¹³⁶.

Какие события способствовали сложившемуся к концу 1700-х годов возвышению князя Василия Владимировича, его вхождению в ближайшее окружение Петра I, сегодня остается только гадать. По свидетельству осведомленного Бориса Куракина, В. В. Долгоруков «нашел свою фортуна», когда в летнюю кампанию 1706 года с батальоном Преображенского полка сопровождал царя на театр военных действий в Литву¹³⁷. В чем именно состояла эта «фортуна», князь Борис Иванович, впрочем, не пояснил.

Что бы там ни было, первой значительной военной операцией, проведением которой руководил Василий Владимирович, стало подавление казачьего восстания под руководством атамана Кондратия Булавина, разгоревшегося на Дону, в глубоком тылу российских войск осенью 1707 года. Это назначение В. В. Долгорукова было отнюдь не случайным.

Дело в том, что первоначально на Дон для проведения кампании по сыску дезертиров, а также беглых крестьян и работных людей, во множестве оседавших в тамошних благодатных местах, была направлена небольшая войсковая экспедиция под командованием майора Преображенского полка Ю. В. Долгорукова, старшего брата Василия Владимировича. В ночь на 9 октября 1707 года большой

* Ныне Ёлгава (Jelgava), город республиканского подчинения Латвийской Республики.

отряд восставших совершил нападение («наехав воровские люди многим собранием») на станицу Шульгинскую* на реке Айдар, где тогда почти без охраны квартировал майор Юрий Долгоруков. В ходе скоротечного боя князь Юрий Владимирович и сопровождавшие его казаки и гвардейцы были убиты, а тела их сброшены в волчью яму¹³⁸.

Будучи отозван с фронта в апреле 1708 года, гвардии майор В. В. Долгоруков получил под командование внушительную группировку общей численностью свыше тридцати двух тысяч штыков и сабель. Итог действий группировки был сформулирован в официальной «Гистории Свейской войны», составлявшейся в первой половине 1720-х годов: «И тако к осени [1708 года] весьма тот бунт искоренен»¹³⁹. Угроза стратегически важному тыловому району была устранена.

Петр I высоко оценил личное мужество и командные способности Василия Долгорукова. 9 декабря 1709 года он был произведен в подполковники гвардии¹⁴⁰ и стал командиром Преображенского полка. По авторитетному суждению известного военного историка и военного юриста сенатора генерал-лейтенанта П. О. Бобровского, почти девятилетнее командование Василия Долгорукова составило «одну из наиболее блестящих страниц» истории Преображенского полка¹⁴¹.

Кроме того, 14 октября 1711 года царь пожаловал князя Василия Владимировича в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного¹⁴². Даты параллельного производства В. В. Долгорукова в «полевые» генерал-майоры, а затем в генерал-лейтенанты установить к настоящему времени не удалось.

Между тем в мае 1710 года князь Василий Владимирович едва не погиб, прибыв с гвардейскими батальонами на осаду Выборга. Правда, не от вражеской пули или осколка, а в результате несчастного случая. Как в письме от 29 мая известил царя командующий российской группировкой генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, когда Василий Долгоруков объезжал верхом осадные сооружения, его лошадь куда-то провалилась и гвардии подполковник «расшиб ногу гораздо больно». «Благодарим бога, что не переломил», — завершил письмо командующий¹⁴³.

* Ныне село Шульгинка в Старобельском районе Луганской области Украины.

Однако исполнение строевых обязанностей отнюдь не исчерпывало круг занятий В. В. Долгорукова в 1710-е годы. Он оказался одним из первых гвардейских офицеров, кого царь привлек к следственной деятельности.

В 1714 году Василий Долгоруков возглавил особую следственную канцелярию, учрежденную второй по счету после следственной канцелярии гвардии майора М. И. Волконского. В правительственном делопроизводстве новая канцелярия получила громоздкое наименование «Канцелярия ведения генерала, кавалера и от гвардии подполковника его сиятельства князя Василия Володимеровича Долгорукова». При всем том, что основная часть документации канцелярии оказалась с годами утрачена, составить некоторое представление о ее деятельности все же представилось возможным.

Крупнейшими уголовными делами, которые поступили в производство канцелярии В. В. Долгорукова, явились «подрядное дело» («подрядная афера») и «счетное дело» генерал-фельдмаршала, светлейшего князя А. Д. Меншикова. Вскрытый в ходе расследования механизм аферы не отличался сложностью. Как было установлено, группа высших должностных лиц, включая Александра Меншикова и сенаторов В. А. Апухтина и Г. И. Волконского, установив изрядно завышенные подрядные цены на поставку в Санкт-Петербург и армию провианта и фуража, сама и осуществляла (разумеется, через подставных лиц) эти поставки. Колоссальные переплаты казенных сумм шли в карманы предприимчивым соратникам царя-реформатора.

Растревоженный полученной следствием информацией, Петр I взял разбирательство дела под личный контроль. Под государевым приглядом следствие быстро набрало обороты. Вращавшийся в правительственных кругах современник так описывал настроения среди «птенцов гнезда Петрова» на исходе 1714 года: «Светлейший князь [А. Д. Меншиков] в великой конфузии, и все в самом печальном образе, понеже царское величество зело прилежно сие дело [подрядное] сам розыскивает и не токмо сие, но и всякая дела сам обещается, пересмотреть и нанизать как за большое, так и за малое равно, о чем все трясутся...»¹⁴⁴

«Трястись» действительно было от чего. Разгневанный вскрывшимися эпизодами фальшивых подрядов царь санкционировал попытки высокопоставленных подследственных и, более того, принял в соответствующих допросах личное участие. На дыбу попали и ближайший помощник А. Д. Меншикова санкт-петербургский вице-

губернатор Я. Н. Римский-Корсаков, и фактотум (доверенное лицо) светлейшего князя сенатор князь Г. И. Волконский.

В частности, как было беспристрастно зафиксировано в записи походного «Юрнала» Петра I от 27 ноября 1714 года, «его величество был на Конюшенном дворе. Подымали [на дыбу] Волконского князь Григорья и Якова Корсакова»¹⁴⁵.

Итог расследования В. В. Долгорукова вышел для прощтрафившихся «господ вышних командиров» драматичным. Вот как в том же царском «Юрнале» была описана состоявшаяся 6 апреля 1715 года на Троицкой площади города Санкт-Петербурга публичная «эксекуция»: «И приведши их на площадь, где положена была плаха и топор, объявлен указ: сенаторам двум, Волконскому и Апухтину за вины их (что они, преступая присягу*, подражались сами чужими именами под правиянт и брали дорогую цену, и тем народу приключали тягость) указано их казнить смертью, однако от смерти освобождены, толко за лживую их присягу обоженные у них языки**», и имение их все взято на государя»¹⁴⁶.

Бывшего вице-губернатора Я. Н. Римского-Корсакова тогда же наказали кнутом. Остальные фигуранты дела отделались денежными штрафами в полуторакратном размере полученной криминальной прибыли.

Что касается «счетного дела» о финансовых махинациях А. Д. Меншикова, то здесь достаточно сказать, что предварительный денежный начет, предъявленный следственной канцелярией В. В. Долгорукова светлейшему князю, составил астрономическую по тем временам сумму в 1 миллион 238 тысяч рублей¹⁴⁷.

Кроме того, в производстве канцелярии находилось возбужденное в 1714 году московским фискалом Михаилом Косым дело по обвинению комиссара П. И. Власова и дьяка П. К. Скурихина во взятках и хищениях казенных средств

* Речь идет о нарушении присяги на верность государственной гражданской службе, собственноручно написанной Петром I и утвержденной 2 марта 1711 года. Первоначально эту присягу приносили лишь руководящие должностные лица — сенаторы и главы губернских администраций.

** Г. И. Волконскому и В. А. Апухтину было вменено в вину, по всей очевидности, нарушение статьи 2-й упомянутой выше присяги — обязательства хранить «правду... в деле государственном». В дальнейшем, насколько известно авторам, такая санкция, как прижигание языка, в отечественной правоприменительной практике более не применялась.

на внушительную сумму в 140 665 рублей (об этом деле еще пойдет речь), а также ряд менее значительных дел, главным образом по преступлениям против интересов службы.

К расследованиям уголовных дел, осуществлявшихся канцелярией В. В. Долгорукова, привлекались (по всей вероятности, эпизодически) и другие офицеры гвардии. Так, из опубликованного архивного документа известно, что в 1714 году в рамках следствия по делу упомянутого сенатора Василия Алухтина в Москву прибыл гвардии капитан князь Г. А. Урусов (о нем также еще будет рассказано).

Гвардеец провел обыск в доме сенатора, опечатал его имущество, а заодно оповестил население бывшей столицы о возможности подавать жалобы на злоупотребления Василия Алексеевича. Согласно формулировке документа, «прибывал... писма к градским воротам и к его двору, чтоб приходили все и сказывали, кому какие обиды или интересу великаго государя что противное учинил»¹⁴⁸.

Вскрытие «подрядной аферы» и многих иных должностных злоупотреблений обусловило необходимость принять новые законодательные акты, направленные на предупреждение соответствующих преступлений. Как представляется, именно с деятельностью следственной канцелярии князя Василия Владимировича, а также фискальской службы России было связано издание в 1714—1715 годах целого пакета законодательных актов.

Здесь необходимо в первую очередь вспомнить законы от 24 декабря 1714 года «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное»¹⁴⁹ и от 27 декабря того же года «Об обязанности подрядчиков объявлять Правительствующему Сенату какие они подряды имеют или имели с казенными местами на поставку провианта и всяких прочих товаров и припасов»¹⁵⁰. В свою очередь, согласно закону от 25 января 1715 года в перечень преступлений, о подготовке или совершении которых дозволялось сообщать непосредственно главе государства, был добавлен «третий пункт» — «о похищении казны» (первые два «пункта» касались государственных преступлений)¹⁵¹.

Наконец, видится неоспоримым, что именно в связи с итогами расследования «подрядного дела» законом от 15 марта 1715 года была учреждена Подрядная канцелярия (Канцелярия подрядных дел)¹⁵², которой предстояло отныне утверждать все заключаемые с казной подряды. Главой канцелярии был определен гвардии капитан Г. И. Кошелев (о нем еще будет рассказано). Учитывая, что Герасим

Кошелев занимал прежде должность командира 3-й роты Преображенского полка¹⁵³, его, по всей видимости, рекомендовал царю В. В. Долгоруков.

Следственная деятельность Василия Долгорукова продолжалась до начала 1716 года, когда в составе небольшой группы сановников он отправился сопровождать Петра I в длительной зарубежной поездке. В связи с отъездом Василия Владимировича руководство его следственной канцелярией именным указом от 13 марта 1716 года было возложено на Г. И. Кошелева совместно с дьяком Ф. Д. Вороновым¹⁵⁴, ближайшим сотрудником князя, работавшим в канцелярии с 1715 года.

Поскольку Федор Воронов играл к тому времени ключевую роль в расследовании «счетного дела» «полудержавного властелина» А. Д. Меншикова, оставшегося в России в качестве фактического главы правительства и «хозяина» Санкт-Петербурга, указ от 13 марта заканчивался строкой не вполне ординарного содержания. Адресованная Герасиму Кошелеву строка эта была, по всей очевидности, подсказана Петру I Василием Владимировичем, и гласила она следующее: «Також и ево, дьяка Воронова, в обиду никому не давай»¹⁵⁵.

Помимо этого, В. В. Долгоруков считал необходимым поддерживать своего сотрудника и неофициально. В сугубо доверительном письме младшему брату, сенатору Михаилу Долгорукову, от 23 марта 1716 года князь Василий Владимирович особо подчеркнул: «И Воронову скажи, чтоб он никою не боялся, лишь бы имел совесть чистую»¹⁵⁶.

Как известно, по возвращении в Россию Петр I решил осуществить реорганизацию органов следствия. Считая деятельность следственных канцелярий, функционировавших на тот момент, успешной (в наибольшей мере канцелярии В. В. Долгорукова), царь принял решение создать целую систему подобных органов. 11 ноября 1717 года Василий Долгоруков направил временно командовавшему полками гвардии князю П. М. Голицыну письмо с изложением высочайшего распоряжения об откомандировании в Санкт-Петербург шестнадцати офицеров Преображенского и Семеновского полков¹⁵⁷. Не прошло и месяца, как все вызванные лица получили назначения на руководящие должности в шести «майорских» следственных канцеляриях, учрежденных 9 декабря 1717 года.

К этому времени князь Василий Владимирович находился на пике своего могущества. Как явствует из опубли-

кованного архивного документа, в ноябре 1717 года при генерал-лейтенанте и гвардии подполковнике В. В. Долгорукове состояли генерал-адъютант (!), два офицера-порученца, лекарь, трое писарей, шесть (!) денщиков* и трое извозчиков¹⁵⁸.

А 6 декабря 1717 года в письме генерал-аншефу А. И. Репнину из Санкт-Петербурга князь (не без доли кокетства) сетовал: «...немалые суеты меня трудят: первое в положенных на меня розыскных делах, другое — от обеих полков гвардии отправляю по некоторой части людей в Москву. А болши суетно, что его ц[арское] в[еличество] и государыня царица отселя отправляютца... в Москву, а меня здесь назначили оставить для здешних дел»¹⁵⁹. Из последних слов письма возможно понять, что В. В. Долгоруков имел основания ожидать какого-то высокого назначения в столице.

Но очень скоро ситуация начала меняться не в лучшую для князя Василия Владимировича сторону. Для начала он не получил никакой должности в Военной коллегии, указ об учреждении которой состоялся 15 декабря 1717 года. Затем для его канцелярии не нашлось места в новой системе органов следствия.

И хотя формального указа о ликвидации следственной канцелярии В. В. Долгорукова издано не было, такая ликвидация произошла по существу. Г. И. Кошелев и Ф. Д. Воронов возглавили теперь собственную канцелярию. Уголовные дела, находившиеся в производстве канцелярии Василия Долгорукова, оказались переданы в производство новых канцелярий (например, «счетное дело» А. Д. Меншикова — в канцелярию ведения гвардии подполковника Петра Голицына).

С чем именно было связано решение Петра I отстранить Василия Долгорукова от следственной деятельности, остается загадкой. Не исключено, что к тому времени царь получил от фискальской службы какие-то материалы о взяточничестве Василия Владимировича. По крайней мере, в пространном письме секретарю Петра I А. В. Макарову от 24 января 1718 года В. В. Долгоруков сначала вспомнил об опасениях, высказанных им царю при назначении к следственным делам, что «будут меня все вредить», а затем взялся оправдываться, что «хотя б меня кто чем и подарил», но

* Уместно заметить, что в описываемые времена денщики выполняли также функции личной охраны.

это вовсе не повлекло за собой «повреждения интересу государственного»¹⁶⁰.

Между тем в итоге роковой удар подстерег Василия Владимировича совсем с другой стороны. В. В. Долгоруков заодно со своим недавним ближайшим сотрудником Федором Вороновым попали в число обвиняемых по делу царевича Алексея Петровича¹⁶¹.

Распоряжение о взятии под стражу находившегося в столице гвардии подполковника Василия Долгорукова Петр I отдал в Москве 16 февраля 1718 года. Учитывая служебное положение подозреваемого, арест был произведен 20 февраля 1718 года самим генерал-фельдмаршалом А. Д. Меншиковым¹⁶², вчерашним подследственным князя Василия Владимировича, который затем лично доставил арестованного в Петропавловскую крепость¹⁶³.

Ознакомление с благополучно сохранившимся в архиве судебным делом В. В. Долгорукова 1718 года¹⁶⁴ оставляет более чем двойственное впечатление. С одной стороны, некоторая вина Василия Долгорукова очевидна: как вполне убедительно установило следствие, он имел неосторожность несколько раз высказать сочувствие опальному царевичу Алексею Петровичу. С другой стороны, в материалах дела фигурирует откровенно сомнительное свидетельское показание о весьма резком высказывании князя в адрес царя. Это показание В. В. Долгоруков отрицал («таких слов... не говаривал»)¹⁶⁵.

В конечном счете все зависело от того, каким образом материалы дела будут доложены Петру I. Учитывая, однако, что следствие по делу царевича возглавлял тайный советник Петр Толстой, действовавший в тесном союзе с А. Д. Меншиковым, участь Василия Долгорукова была предрешена. 14 марта 1718 года специальное судебное присутствие приговорило В. В. Долгорукова «за дерзновенные ево слова» к лишению чинов, полной конфискации имущества и ссылке¹⁶⁶.

5 июля 1718 года местом ссылки Василия Владимировича Петр I определил город Соликамск, особо оговорив, чтобы «жить ему тамо как и протчие ссыльные»¹⁶⁷. Опаснейший конкурент Александра Меншикова и Петра Толстого в царском окружении был бесповоротно устранен.

Что же касается слишком продвинувшегося в расследовании «счетного дела» светлейшего князя дьяка Ф. Д. Воронова, то ему были предъявлены откровенно фальсифицированные обвинения в пособничестве Алексею Петровичу.

Крайне болезненно воспринимавший все эпизоды дела царевича, Петр I не вспомнил о своем предписании двухлетней давности не давать «в обиду» дьяка-следователя.

28 июля 1718 года подвергшийся жесточайшим пыткам Федор Воронов был приговорен к смертной казни¹⁶⁸. 8 декабря 1718 года Федор Дмитриевич был обезглавлен в Санкт-Петербурге «близ Гостиного двора у Троицы, на въезде в Дворянскую слободу». Голова казненного дьяка была насажена на металлическую спицу на специально выстроенном каменном столбе, а тело положено на колесо¹⁶⁹.

Своеобразным эпилогом уголовного дела В. В. Долгорукова явилось обращение в июне 1718 года в Тайную канцелярию некоей Софьи Ивановны Мейер (Меэр). Просительница утверждала, что на протяжении четырех лет состояла в интимной связи с Василием Долгоруковым («возверзил на меня... князь Василей Володимирович... любовь свою»), а в данный момент беременна от него. В связи с этим Софья Ивановна просила выплатить ей деньги из конфискованного имущества князя «утробному младенцу на содержание и пропитание».

Насколько возможно понять из материалов дела, в качестве «метресы» Василия Долгорукова С. Мейер была известна самому главе государства, и вопрос был решен на редкость оперативно. Уже 12 августа 1718 года Тайная канцелярия распорядилась выдать «Софье Меэрше» вполне приличную сумму — 100 рублей¹⁷⁰.

В ссылке В. В. Долгоруков пробыл более пяти лет. Весной 1724 года, воспользовавшись поводом — предстоящей коронацией императрицы Екатерины Алексеевны, Михаил Долгоруков подал главе государства челобитную (на которой даже сумел, с грехом пополам, расписаться) с просьбой помиловать старшего брата. 7 мая, в день коронации, государь собственноручно пометил на нижнем поле челобитной: «Свободить из [с]сылки»¹⁷¹.

Возвратившись в столицу, князь Василий Владимирович оказался в явственно бедственном положении. Все имущество было конфисковано. На службу его никто не возвращал.

Собравшись с силами, В. В. Долгоруков обратился к императору Петру Великому с челобитной. Выразив признательность, что государь «изволил мне все милостивейшее пожаловать* шпагу»¹⁷², 57-летний князь попросил

* Строго говоря, вернуть.

какого-либо чина и должности. Свое обращение Василий Владимирович заключил проникновенными строками: «Всенижайшее прошу... сотворить надо мною... божескую милость, како всевышний помиловал первородного человека, дабы возмог, пока не приду в старость и дряхлость, вашему императорскому величеству мои всенижайшие услуги показать». Собственноручная императорская резолюция, наложенная 23 декабря 1724 года, была по обыкновению краткой: «Даетца чин полковничей»¹⁷³.

Впрочем, не дремали и могущественные противники Василия Долгорукова в петербургских коридорах власти. Уже 24 декабря, на следующий день после возвращения В. В. Долгорукову чина, был издан сенатский указ, по которому князь получил и ожидавшееся им назначение, которое, правда, вряд ли его воодушевило, поскольку определялся он обер-комендантом в Уфу¹⁷⁴. Такой вот раздался «звонок» от заседавших в Правительствующем сенате светлейшего князя Александра Меншикова и новоявленного графа Петра Толстого.

Как бы то ни было, но отправиться в башкирскую глухомань князь Василий Владимирович не успел, поскольку всего месяц спустя ушел из жизни первый российский император. Пришедшая к власти новая императрица Екатерина I, благоволившая князю, не стала более притеснять вчерашнего ссыльного.

Не случайно уже на состоявшейся 10 февраля 1725 года в Санкт-Петербурге грандиозной церемонии погребения Петра Великого полковник В. В. Долгоруков выступил отнюдь не в качестве статиста. В числе группы старших офицеров флота и гвардии Василий Владимирович нес балдахин над гробом усопшего императора¹⁷⁵.

13 февраля 1726 года императрица произвела Василия Владимировича в генерал-аншефы¹⁷⁶ (миновав три (!) степени воинских «рангов»). Правда, сразу вслед за этим Василию Долгорукову пришлось вновь покинуть столицу. Уже 14 февраля государыня назначила его командующим Низовым корпусом — группировкой российских войск, дислоцированной в отвоеванных у Персии в 1722 году прикаспийских провинциях.

Обосновавшись на самом краю империи, в городе Решт* на южном побережье Каспийского моря, В. В. Долгоруков

* Ныне административный центр провинции Гилян Исламской Республики Иран.

вполне успешно руководил группировкой. Заслуженный ветеран Великой Северной войны провел ряд удачных войсковых операций против горных племен, добился улучшения снабжения войск, ротации офицерских кадров, укрепления безопасности сухопутных коммуникаций¹⁷⁷.

Впрочем, пребывание в непривычном климате ухудшило состояние здоровья командующего. Как доносил Василий Владимирович в Верховный тайный совет в сентябре 1727 года, «от здешнего несносного, злого воздуха пришел в слабость здоровья своего... И зрение тупо: одним глазом, почитай, не вижу, а и другой худ»¹⁷⁸.

Впрочем, грянувшие весной — осенью 1727 года бурные политические события, падение давних недругов Василия Долгорукова П. А. Толстого и А. Д. Меншикова, а также последовавшее с воцарением императора Петра II усиление клана Долгоруковых не могло не сказаться на положении князя Василия Владимировича. Именным указом от 7 февраля 1728 года он был освобожден от командования Низовым корпусом и 30 марта отплыл из Баку в Астрахань.

24 февраля 1728 года Василий Владимирович был произведен в генерал-фельдмаршалы, а 20 декабря 1729 года возглавил новоучрежденную канцелярию «полковых дел» Преображенского и Семеновского полков¹⁷⁹. Иными словами, вновь стал фактическим командующим российской гвардией.

Приход к власти императрицы Анны Иоанновны, приведший к ликвидации Верховного тайного совета и опале нескольких родственников князя Василия Владимировича, первоначально никак не отразился на его карьере. Более того, 4 марта 1730 года он был назначен сенатором в обновленный состав Правительствующего сената.

Учитывая, что по родству (через упомянутую бабушку Ирину Ильиничну) Василий Долгоруков приходился Анне Иоанновне троюродным братом (!), подобное кадровое назначение являлось вполне мотивированным. Новая императрица ценила родственные связи.

Именным указом от 27 января 1731 года В. В. Долгоруков был определен командующим группировкой российских войск на Украине¹⁸⁰ (на место скончавшегося генерал-фельдмаршала М. М. Голицына). Но не прошло и года, как Василий Долгоруков вновь оказался в статусе подсудимого.

Поскольку документы о вторичном осуждении князя Василия Владимировича поныне не введены в научный

оборот, относительно этих событий остается только строить догадки. Вероятно, немолодой генерал-фельдмаршал преувеличил степень своего влияния на августейшую род-
ственницу.

Как отмечалось в высочайшем Манифесте от 23 декабря 1731 года, князь Василий Владимирович, «презря... свою присяжную должность, дерзнул не токмо наши государству полезные учреждения непристойным образом толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять, в чем по следствию дела изобличен». За это В. В. Долгоруков был предан суду специального судебного присутствия, которое приговорило его к смертной казни, лишению чинов и конфискации имущества.

При утверждении приговора императрица заменила смертную казнь на ссылку в Шлиссельбург¹⁸¹ — тот самый бывший шведский Нотебург, на стены которого 29 лет назад шел приступом гвардии капитан Василий Долгоруков. Именным указом от 9 января 1737 года Василий Долгоруков был переведен в крепость Нарву¹⁸².

В ссылке, режим которой фактически совпадал с тюремным заключением, В. В. Долгоруков пробыл до произошедшего 25 ноября 1741 года государственного переворота, в результате которого к власти пришла младшая дочь Петра I цесаревна Елизавета Петровна, являвшаяся, согласно фамильному преданию, крестницей князя Василия Владимировича¹⁸³.

Уже 1 декабря 1741 года последовал именной указ об освобождении Василия Долгорукова и его младшего брата Михаила из ссылки и возвращении им прежних чинов (со старшинством со дня первоначального производства), а 3 декабря — об увольнении их со службы по возрасту¹⁸⁴. Впрочем, последний указ не был претворен в жизнь.

15 декабря 1741 года князь Василий Владимирович был определен президентом Военной коллегии и сенатором. А 24 мая 1742 года, в день коронации Елизаветы Петровны, повторно пожалован в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного¹⁸⁵.

Василий Долгоруков оказался одним из немногих следователей Петра Великого, о личностных качествах которого сохранились воспоминания современников. В частности, английский резидент при российском дворе К. Рондо (Claudius Rondeau) так охарактеризовал князя Василия Владимировича: «Человек рассудительный, приветливый и ла-

сковый... От природы он щедр, смел, откровенен, в разговорах и в речах своих свободен, даже до дерзости»¹⁸⁶.

Вполне сходным образом о В. В. Долгорукове отозвался первый посол Испании в России Яков Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика (Jacobo Francisco Fitz James Stewart, Duque de Liria y Jérica): «Человек умный, храбрый, честный и довольно хорошо знавший военное искусство. Он не умел притворяться и часто доводил искренность до излишества; был отважен и очень тщеславен. Друг искренний, враг непримиримый. <...> Это такой русский вельможа, который более всех приносил чести своему Отечеству»¹⁸⁷.

Наконец, примечательный отзыв оставил о Василии Долгорукове один из его однородцев и биографов князь П. В. Долгоруков, отличавшийся не только обширными генеалогическими познаниями, но и редкостным злоязычием: «Князь Василий Владимирович... искупал недостаток образования некоторым природным умом и особенно безупречной честностью. Знатоки дела оспаривали его военный талант, но и самые яростные враги воздавали должное его смелости, которая была заметна даже в такой доблестной армии, как русская»¹⁸⁸. Таким остался Василий Долгоруков в памяти современников и потомков.

Президент Военной коллегии, генерал-фельдмаршал В. В. Долгоруков скончался 11 февраля 1746 года и был погребен в Санкт-Петербурге, в усыпальнице Благовещенской церкви Александро-Невской лавры¹⁸⁹ — первом каменном храме новой российской столицы. И хотя в 1932 году, уже после закрытия монастыря, усыпальница была включена в состав Музея-некрополя надгробной скульптуры, в ходе последующей варварской реконструкции захоронение князя Василия Владимировича было утрачено.